

ГЛАВА 32. Морозные цветы на ветвях

Учитель говорил совершенно серьезно, и Чи Шэн внимал ему с не меньшим прилежанием.

Однако Лансюэ-цзюнь, похоже, так и не уловил истинной причины, по которой юноша не желал подниматься на Гуу-фэн. С одной стороны, Чи Шэн боялся стать для него обузой, но с другой — он в ужасе представлял, как завтра по всей школе разнесутся слухи о том, что Лансюэ-цзюнь лично привел простого ученика в свою обитель.

Впрочем, судя по тому, как разворачивались события, завтрашние сплетни будут звучать иначе: «Лансюэ-цзюнь снизошел до того, чтобы нанести визит в каморку одного из рядовых адептов».

В самом Яо-юань жизнь была ключом: ученики, сбившись в кучки, гонялись друг за другом, шумно резвясь. Хоть все они и были заклинателями бессмертных сект, вели они себя сейчас как обычные уличные задиры.

Линь Фэйсянь шествовал мимо, окутанный аурой ледяного безразличия.

Чуть дальше, расположившись за каменным столом, компания азартных игроков с криками и хохотом резалась в карты, грозясь стянуть штаны с проигравшего.

Линь Фэйсянь даже не повернул головы в их сторону.

Весь двор мгновенно погрузился в мертвую тишину. Воздух словно застыл, а в налетевшем легком ветерке отчетливо почуялась морозная свежесть. Ученики оцепенели, вытаращив глаза так, будто воочию узрели призрака.

Остановившись перед дверью комнаты Чи Шэна, Лансюэ-цзюнь окинул ее изучающим взглядом. Казалось, он вовсе не замечает этой жутковатой, парализовавшей всё вокруг тишины.

— Это твое жилье? — спросил он.

—...Да.

— Тогдаходи.

Чи Шэн кожей чувствовал, как у его собратьев по школе со стуком отвисают челюсти.

Едва они переступили порог, юноша заметил в дверную щель, как адепты снаружи, вытянув

шеи, пытаются заглянуть внутрь. С бесстрастным лицом он плотно прикрыл створки, отсекая любопытные взоры.

Обернувшись, Чи Шэн увидел, как Лансюэ-цзюнь осматривает скудную обстановку. В этот миг юноша возблагодарил судьбу за свою привычку ежедневно делать приборку и поддерживать безупречную чистоту.

Линь Фэйсянь опустился на табурет у небольшого стола в центре комнаты. Чи Шэн потянулся было к чайнику, желая налить гостю воды, но, прикинув вес пустой посуды, в смущении отставил её обратно.

— Ничего страшного, — негромко произнес Лансюэ-цзюнь.

Чи Шэн, низко опустив голову, сел напротив. Он чувствовал, что нарушил все мыслимые правила гостеприимства, и оттого ему было не по себе.

В комнате воцарилось молчание. Оно тянулось так долго, что тишина стала казаться неловкой, почти осязаемой. Наконец юноша не выдержал и поднял взгляд на наставника. Тот, как оказалось, всё это время пристально наблюдал за ним.

Стоило их глазам встретиться, как Линь Фэйсянь совершенно естественно отвел взор.

— Почему твоего сожителя нет на месте?

— Должно быть, ушел развлекаться с друзьями, — ответил Чи Шэн.

Зная привычки Юнь Нина, можно было не сомневаться: тот не вернется, пока не напьется до беспамятства, а случится это глубокой ночью. Значит, в ближайшее время никто не посмеет прервать их уединение.

— А ты? — Лансюэ-цзюнь слегка склонил голову. — Почему не идешь с ними?

— Не хочу.

У Чи Шэна и Юнь Нина были слишком разные круги общения, да и сам юноша никогда не питал пристрастия к шумным хмельным пирушкам.

— Ты на редкость послушен, — в голосе учителя промелькнуло некое подобие одобрения.

Чи Шэн замер, польщенный этой похвалой, к которой на сей раз не добавилось привычное «хотя и немного глуповат». Он уже начал было парить в облаках от радости, как вдруг ощутил

на шее прикосновение чего-то холодного. Это была вязкая субстанция, источающая едва уловимый, изысканный аромат.

Линь Фэйсянь, сосредоточенно хмурясь, кончиками пальцев наносил целебную мазь на его кровоподтеки.

Горло Чи Шэна судорожно сжалось. Мазь была ледяной, и пальцы наставника тоже дышали холодом, но каждое их движение высекало на коже юноши искры обжигающего жара.

То, что наставник лично снизошел до лечения его ран, само по себе казалось Чи Шэну невероятной милостью. Но затем Лансюэ-цзюнь произнес негромко:

— Прости.

Он слегка опустил веки, и в его облике просквозило явное самобичевание:

— Сегодня... я едва не убил тебя.

Чи Шэн часто заморгал. Учитель имел в виду тот миг, когда он занес над ним меч Чжу Се?

— Шизун, — юноша мучительно подбирал слова, — как же вы... почему это случилось?..

Чи Шэну казалось, что такой могущественный заклинатель, как Лансюэ-цзюнь, должен обладать достаточной силой, чтобы защитить себя от заражения магическим паразитом, хотя в глубине души он и подозревал наличие какой-то тайны.

Линь Фэйсянь промолчал. Чи Шэн, проявив благоразумие, не стал настаивать на ответе, покорно подставляя шею под прикосновения его пальцев.

Закончив, Лансюэ-цзюнь закрыл баночку и пододвинул её ученику.

— Оставь себе. В ближайшие дни наноси мазь трижды в день: утром, в полдень и вечером.

Даже после первого раза боль заметно утихла. Разумеется, снадобья, которыми пользовался Верховный старейшина, были высшего качества. Подобный сосуд, вероятно, стоил бы Чи Шэну половины всех заработанных сегодня яшмовых жетонов.

Юноша попытался вежливо отказаться, но тон Линь Фэйсяня стал суровым:

— Оставь.

Чи Шэну ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Лансюэ-цзюнь посмотрел на него и бесстрастно спросил:

— Ты... стал бояться меня еще сильнее?

—?

— Из-за того, что узнал... о «Грибном ростке» внутри меня, — он не сводил глаз с лица юноши, словно пытаясь докопаться до истины. — Эта зараза может распространяться. Разве ты не боишься пасть на путь демонов?

Чи Шэн спросил себя: боится ли он этого?

Пожалуй, в глубине души страх жил. Само это слово дышало тьмой и смертельной опасностью. В этом мире люди и демоны могли сосуществовать, но едва появлялось нечто демоническое — правила менялись. Такие существа становились целью для всех, их преследовали до края света, чтобы уничтожить окончательно, лишив даже надежды на перерождение. Белая цапля, запертая семьей Гунъи в подземном горниле, была тому ярким примером.

Но Чи Шэн не боялся Линь Фэйсяня.

Ему доверили тайну этого человека, скрытую от всех остальных. Юноше даже казалось, что это событие сделало его на шаг ближе к наставнику. Он чувствовал странное воодушевление, как же он мог теперь избегать его?

Сделав глубокий вдох, Чи Шэн твердо произнес:

— Не боюсь.

—...Не боишься?

— Да.

— Почему?

Словарный запас юноши был до обидного скуден. Под пристальным взглядом учителя его лицо густо покраснело, и он выдавил:

— Потому что я верю... Шизун — хороший человек.

В ответ раздался тихий смешок, в котором слышалось невольное сочувствие и едва заметная

тень веселья.

Чи Шэн оцепенел.

Этот человек почти никогда не улыбался. В памяти юноши не сохранилось ни единого подобного мгновения. И сейчас, на этом вечно холодном и бесстрастном лице, он увидел улыбку — мимолетную, точно упавшая с ветки изморозь или весенний лед, тающий в лучах солнца. Это зрелище пробудило в сердце Чи Шэна крошечный росток робкой надежды.

Линь Фэйсянь был неописуемо красив, когда улыбался: алая родинка на его скуле чуть приподнялась, и Чи Шэну показалось, что небожитель в этот миг коснулся бренного мира. Красота эта была ослепительной... и столь же недолговечной.

Фэйсянь поднял руку, и окутанный черным туманом меч Чжу Се возник в его ладони. Он сжал рукоять и положил оружие на стол.

Коснувшись подушечками пальцев эфеса, он заговорил:

— Это и впрямь демонический клинок. А я — его хозяин. Он со мной с самого начала, он пустил корни в моей плоти и крови.

Так он ответил на невысказанный ранее вопрос Чи Шэна. Проследив за реакцией ученика, Линь Фэйсянь добавил:

— Он не заразен.

— Но тогда почему в школе говорят?.. — Чи Шэн был поражен.

— Это Линьлань-цзюнь намеренно распустил слухи, чтобы заставить всех содрогаться от страха, а меня — чувствовать себя так, словно я ступаю по тонкому льду.

—...Зачем же он тогда остановил вас сегодня?

Рука Линь Фэйсяня на миг замерла, и он нахмурился.

— Сейчас ему нужен я в здравом уме — чтобы помогать ему удерживать власть над горой Даньлин.

Чи Шэн тяжело вздохнул и перевел взгляд на Чжу Се.

Раньше этот меч, скованный заклятыми цепями на Гуу-фэне, не мог и глотка свежего воздуха

сделать; он вечно бился и метался в путях. Теперь же, оказавшись в руках хозяина, он вел себя смиренно: даже иссиня-черная аура рассеялась, являя истинный облик клинка.

Меч был отлит из червонного золота, его рукоять поражала изяществом и роскошью отделки, а само лезвие украшали древние, причудливые узоры. По правде говоря, он был почти точной копией Сюэ Ша, за исключением цвета: один сверкал чистым золотом, другой — ослепительным серебром.

Глядя на внешнее величие Чжу Се, никто бы и помыслить не мог, что это оружие связано с понятием «демонического ядра» и источает зловещую тьму. Казалось, стоит ему высвободить свою силу, и мир зальет ослепительное золотое сияние.

— Чжу Се всё труднее подчинять. Приступы безумия будут случаться всё чаще, — произнес Линь Фэйсянь. — Возможно, в следующий раз, когда ты меня увидишь, я снова буду...

Снова буду тем чудовищем. Чи Шэн это понимал. По правде говоря, он и сам заметил, что наставнику с каждым разом всё сложнее сдерживать демоническое начало...

— Сегодня я ходил в Цзанцзин-гэ ради «Канона Вечной Жизни», — внезапно прервал его мысли Лансюэ-цзюнь.

—...Понимаю, — отозвался Чи Шэн. Вероятно, именно из-за этой книги там появился и Линьлань-цзюнь.

— Ты сегодня состязался с тем человеком?

Чи Шэн невольно сжал кулаки, мгновенно уловив суть вопроса.

— Вы имеете в виду... молодого господина Сюаня?

Линь Фэйсянь поднялся и подошел к окну, вглядываясь в сумерки. Среди учеников Яо-юань хватало смельчаков, мечтавших подслушать разговор за дверью, но учитель с самого начала наложил на комнату барьер. И хотя они не могли разобрать ни слова, уходить всё равно не спешили.

Оба замолчали.

Вскоре Чи Шэна охватило глухое раздражение. Стоило ему вспомнить манеру боя того «молодого господина» в Тайном царстве и его безупречный, благородный облик, как на душе становилось тоскливо.

Мало того, что он проиграл ему в искусстве фехтования, так еще и внешностью уступал.

Неужели в этом и кроется разница между «киноварным идеалом» и «гадким утенком»?

Спустя долгое время Линь Фэйсянь произнес:

— Некоторое время назад, пытаясь вернуть память, я видел сон.

— Вы говорили, — хмуро буркнул Чи Шэн, — что человек в том сне был очень похож на меня, но в то же время мы были совершенно разными.

— Это был именно он.

Чи Шэн промолчал. Он не знал, что на это ответить. Вспомнив о той чести, которую ему сегодня оказали, он с горечью подумал: «Неужели Шизун видит во мне лишь тень того человека?»

Не потому ли Линьлань-цзюнь бросил ему ту фразу: «Ты недостойн»?

Чи Шэн чувствовал, как в его душе сгущаются сумерки, вторя угасающему дню за окном. Линь Фэйсянь стоял у окна и плотно затворил раму. Причина этого уныния нашлась быстро — снаружи начинался дождь.

Лансюэ-цзюнь не спешил уходить. Чи Шэну казалось, что наставник тоже подавляет в себе некое чувство, столь же томительное, как эта морось за окном.

В комнате окончательно стемнело. Юноша поправил фитиль светильника на столе, и в этот миг заметил, что лежащий рядом Чжу Се снова начал испускать тонкие струйки черного дыма.

— Шизун! — встревоженно воскликнул Чи Шэн.

Предчувствие его не обмануло: Линь Фэйсянь медленно обернулся. Его взор был затуманен мраком, в глазах клубилась тень, которую он даже не пытался скрыть.

— Я хочу дождаться, когда закончится дождь, — негромко произнес он.

Лансюэ-цзюню, чей уровень совершенствования позволял оставаться сухим даже под тропическим ливнем, не требовалось кровя. Чи Шэн расценил эти слова как простое желание остаться подольше.

— Хорошо, — согласился он.

Линь Фэйсянь снова сел к столу и, помедлив, обратился к нему с просьбой:

— Ты ведь играешь на сэ, когда идет дождь?

—...Да, — Чи Шэн с пониманием извлек инструмент из духовного мешочка. — Играю.

Затем он покорно спросил:

— Есть ли какая-то мелодия, которой вы желали бы меня испытать?

Похоже, юноша внезапно открыл в Линь Фэйсяне одну странную и неожиданную черту.

<http://bllate.org/book/17515/1662091>